

Виктор Семёнов

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МАЛЬПАСО

повести

Виктор Семенов

Возвращение в Мальпасо

Семенов В.

Возвращение в Мальпасо / В. Семенов —

«Возвращение в Мальпасо» – вторая книга петербургского писателя Виктора Семёнова. Она состоит из двух, связанных между собой героями и местом действия, повестей. В первой – обычное летнее путешествие двенадцатилетнего мальчишки с папой и друзьями затягивает их в настоящий круговорот приключений, полный смеха и неожиданных поворотов. Во второй – повзрослевший герой, спустя время, возвращается в Петербург, чтобы наладить бизнес-проекты своего отца, не догадываясь, что простые на первый взгляд процедуры превратятся для него в повторение подвигов великого Геракла. Ироничный и талантливый герой, оценивает происходящее с ним через призму юмора и оптимизма, находя выходы из кажущихся сложными ситуаций.

Содержание

Возвращение в Мальпасо	5
1	5
2	7
3	9
4	11
5	15
6	18
7	20
8	22
9	24
10	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Возвращение в Мальпасо

Виктор Семенов

Возвращение в Мальпасо

1

В два часа пополудни 14 июля 2015 года время пошло назад.

Не все, конечно же. Мое время. Я болтался по второму этажу дома, теребя смартфон: ожидал СМС от Маринки. Дипломы защитили пять дней назад, и я, и Маринка, и всю неделю мы провели в веселой беготне по городу, удовлетворенные и счастливые. А сегодня она засобиралась в Киров – на родину, до конца лета, и мы условились, что встретимся днем и все обсудим. Но уже два, а от нее – ничего. И трубки не брала.

Снизу доносился басовитый голос бати, он что-то орал в телефон.

Я еще раз набрал Соломатину. Теперь вне зоны. Чудненько. Поплелся вниз. Там батя по-прежнему кричал в телефон сквозь смех на кого-то из управляющих:

– Михалыч, это в стране у нас – демократия, а у меня – тирания. Забыл? Что за самодеятельность?

А я ждал, когда он закончит разгон Олега Михайловича, чтобы снова начать капать ему на мозги по поводу своего трудоустройства.

Батя, как обычно улыбался в бороду и смотрел хитро так, с прищуром, не отрываясь:

– Помнишь то лето? Восемь лет прошло...

Пришлось отвечать:

– И что с того? Ну, помню... Папа, чего ты хочешь?

Когда-то давно, лет в восемь, я, взяв листок бумаги и ручку, начал писать историю о нашей собаке Лизке и ее приключениях, а написав, показал родителям. Они похвалили меня, но я и сам, как сейчас помню, был очень счастлив, что завершил задуманное и тут же нашел читателей. Эйфория! Восторг совсем маленького еще человека. Мурашки по всему телу.

– Что значит – я хочу? Это ты, брат, хочешь вроде... Ты же мне все уши пропел про салон на Волоколамке...

Все так. Я пропел. Все уши. Две недели назад я защитил диплом и теперь, свободный и готовый к трудоустройству, пытался выбить у бати место менеджера в одном из его дилерских салонов «Ауди». Он же упирался всеми конечностями по не очень ясным мне причинам. Две недели упирался. Даже больше, учитывая то, что я начал переговоры чуть раньше защиты дипломной работы. А теперь вроде лед тронулся...

– Что, возьмешь к себе?

– Да. Только есть условие.

– Какое?

– Сделай мне подарок. Напиши рассказ про то лето. Помнишь его?

Правильнее было бы промолчать. Или сказать – нет. Но я помнил, очень хорошо помнил то лето.

– Ты за кого меня принимаешь? – улыбнулся я. – Я ведь не совсем Максим Горький...

– Знаю. Потому и прошу. У тебя хорошо получалось.

– В начальной школе!

– И что с того? Давай короче. Полтора месяца у тебя – до конца августа. Сделаешь – возьму заом к Гене.

Я притих на минутку. Гена, или Геннадий Андреевич, был управляющим дилерского центра, и такое назначение – прыжок ступенек на пять.

– Хорошо, – согласился я. – Давай попробуем.

– Договорились, – улыбнулся папа, протягивая мне свою большую ладонь.

Я молча пожал ее. И поплелся вверх.

2

Соломатина перезвонила только через час. Защебетала:

– Юрик! Прости, зай, не успеваю, похоже. Самолет через три часа. Забегалась. Подарки, то-се... Через пару недель вернусь. И сразу к тебе! Ладно, зай?

– Не называй меня так, – я улыбнулся. На нее невозможно было сердиться.

– Как? – засмеялась она. – Юрик? А как можно? Юрий Юрьевич? Монсеньер? Масса?

– Юрий Юрьевич – нормально, – продолжал улыбаться я. – Масса – тоже. А вот зая – как-то не очень...

Я очень живо представил себе, как она сейчас хмурит лобик и улыбается, немножко кривя красивые полные губы.

– Заметано. Что делать будешь? С батей поговорил?

– Да...

– И как?

– Есть одно но.

– Какое это?

– А вот вернешься – и расскажу. Он тот еще хитрец...

– Ну Юрка...

Морщинки на лбу. Наверняка. И губы – в бантик.

– Что – Юрка? За день даже часика мне не выделила...

– Ой, ой, ой... – запищала она. – Бедненький, типа извелся весь, да?

– Да, – ответил я честно. И опять улыбнулся возникшей паузе. Получилось-таки чуть приостановить словесный поток.

– Кто сейчас мэр Кирова? – раздалось на том конце, и я поперхнулся от неожиданности.

Как-то одним занятым вечером на заре нашего знакомства я прихвастнул своим интересным талантом. Дело в том, что я с детства отличался очень хорошей памятью: информация цеплялась и липла ко мне и в нужный момент с легкостью выходила обратно. Из совершенно разных, на первый взгляд, не связанных между собой сфер. Маринка тогда нахмурила лобик и, раздвинув совершенные губы в недоверчивой ухмылке, сказала:

– Ну, окей, назови мне тогда первый альбом Тупака.

Когда-то она сильно увлекалась рэпом. А я был к нему совершенно равнодушен. Но есть один нюанс. Пару лет назад в веселой компании я смотрел некий американский фильм, и в нем играл как раз Тупак Шакур. Меня заинтересовал этот парень, который, как оказалось, не был профессиональным актером. Позже я прочитал биографию музыканта на одном из интернет-ресурсов. И обратил внимание на название его первого альбома. Оно показалось мне интересным.

– 2Pacalypse Now, – невозмутимо произнес я.

Ухмылка исчезла. Губки сомкнулись, образовав красивый алый бант.

– Окей, – так же невозмутимо отозвалась Соломатина. – Как зовут солистку Portishead?

Видимо, когда-то увлекалась и электроникой. Смешно говорить, но мне никогда не нравился британский трип-хоп и электронная музыка. Но зато я обожал одних питерских рокеров, солист которых как-то на концерте спел акустический кавер на песню этих странных британцев, и, придя домой после концерта, я, естественно, wszed в Сеть и прочитал их историю. И кое-что носил с собой до сих пор.

– Гиббонс, – ответил я. – Бет Гиббонс.

Края алого бантика чуть опустились вниз. Морщинки на лбу прикрыла прядь каштановых волос, выбившаяся из скромного хвостика.

– Столица Удмуртии? – спросила Маринка уже без ухмылок.

– Ижевск, радость моя... – ответил я, улыбаясь, а моя собеседница, вскочив с дивана, заверещала, убирая выбившуюся прядь:

– Юрка, ты вундеркинд, что ли?

– Соломатина! – фамильярно завопил я в ответ. – Ты серьезно? Если человек знает столицу Удмуртии, значит, он вундеркинд?

– Но ты же москвич... – отвечала она.

– И что?

– Как москвич может знать столицу Удмуртии?

Я засмеялся тогда, хотя до сих пор и не понял, шутка это была или нет. У Маринки очень хорошее чувство юмора, но иногда она заявляет такие вещи, что не разберешь, шутка это, доля шутки или абсолютно серьезная сентенция. Бывало.

Немного позже, выпив чаю с мятой, Маринка предложила мне игру. Сказала, зачерпывая ложкой липовый мед:

– Давай раз в день неожиданно – вопрос. Отвечаешь правильно – твое желание. Неправильно – мое.

– Давай! – согласился я, уже зная, каким будет мое первое желание. И, собственно, второе тоже.

И вот теперь – мэр Кирова. Я не знал его. Пришлось отшутиться:

– Наверняка какой-нибудь единоросс...

Связь была не очень хорошей. Некоторые слова тонули в булькающих звуках. Маринка меня не расслышала.

– Единорог? – переспросила она. – Ты считаешь нашего городского главу мифическим животным?

– Нет, милая, – ответил я, едва сдерживая хохот. – Что-то мифическое есть в губернаторе вашей области. Партийная принадлежность... Взятки не берет... Миф. А городской глава – какой-нибудь член «Единой России». Фамилию я тебе сказать не готов. Если, конечно, не отпустишь меня на секундочку к Интернету...

– Не-а. Это – против правил.

– Тогда твое очко.

– И желание.

– И желание, – повторил я за ней.

– Когда вернусь...

– Так возвращайся скорее!

– Целую, зай!

– Не называй меня... – начал было я, но она уже отключилась.

Я, постояв секундочку у окна, кинул смартфон на журнальный столик и, включив ноутбук, влез в Сеть. Ну конечно. Быков Владимир Васильевич. Генерал-майор. Единоросс.

Я посидел минутку, соображая, что же делать дальше, и, не выдумав ничего хорошего, пошел вниз – варить себе кофе. Выпил. Открыл ноутбук. И начал писать.

3

Летом 2007-го папин отпуск и часть моих каникул мы запланировали провести в Карелии. Игорь Васильевич, папин друг, пригласил нас в охотничье хозяйство, которым управлял его родственник, обещая хорошую рыбалку, охоту и грибы. К рыбалке и охоте я был равнодушен, а вот погулять по лесу в поисках грибов любил. К тому же мне очень нравилась Ленка, дочка дяди Игоря, веселая и озорная девчонка: с ней никогда не было скучно. Вечно что-то придумывала. Я с радостью согласился на поездку. Мама хотела составить нам компанию, но потом передумала. Папа же в то время только начинал свои бизнес-проекты, потихоньку выбираясь из сетей государственной службы, и его основной интерес в путешествии состоял, конечно, вовсе не в охоте и рыбалке, а в компании Игоря Васильевича, в отсутствии мамы и, собственно, в том, что это за собой влекло. Говоря проще, папа немного выпивал, а такие отпуска на все сто использовал именно для этого увлекательного, но не всегда созидательного процесса. Хотя это, наверное, вопрос объема. Дядя Игорь полностью разделял папины интересы.

Чтобы сразу взять быка за рога, они решили отправиться в путешествие на поезде. Хотя, как я помню, официальная версия выбора этого вида транспорта звучала так: пусть детки посмотрят, что такое поезд, не ездили, мол, никогда. Маршрут составили такой: на ночном экспрессе до Питера, затем с Московского вокзала на Ладужский, откуда днем уходил состав на Костомукшу. В Сортавале мы слезем часов в восемь вечера, а там уже нас встретит Сергей, родственник Игоря, и отвезет на место.

Почему я это все как сейчас помню? Ну, во-первых, меня сделали ответственным за выработку маршрута, а во-вторых, как уже говорилось, на память я не жалуюсь. Было мне тогда двенадцать, как и Ленке, но я, маленький и худой, выглядел на десять, а Ленка – наоборот, немного старше своих лет.

Около половины двенадцатого ночи 28 июля мы с батей выгрузились из такси и, зайдя внутрь Ленинградского вокзала, стали пробираться к перронам.

Игорь Васильевич и Ленка ждали нас под расписанием на выходе из вокзала. Я, подбежав к ним, буркнул дяде Игорю «здрасьте» и, улыбнувшись во все коренные, крикнул Ленке:

– Привет!

– Привет, – ответила она, позевывая, и моему папе: – Здравствуйте, дядя Юра.

– Привет, Лен. – Папа сунул руку Игорю для приветствия.

– У нас первый путь, – сказал тот, пожимая руку папе.

– Отлично. Пошли тогда? Загрузимся поскорее...

Четвертый вагон «Красной стрелы» встретил нас непроницаемым лицом проводницы, и мы, быстро проскочив мимо нее, загрузились в свое купе. Мужики оперативно распахали рюкзаки, застелили себе нижние полки и ретировались в вагон-ресторан, предложив нам посмотреть какой-нибудь фильм на планшете или лечь спать. Ленка выбрала второе, я же влез в ее гаджет и уткнулся в третью часть «Пиратов Карибского моря». Ресторан был в соседнем – пятом вагоне, думаю, совсем не случайно: билетами занимался мой папа.

Перед тем как задвинуть дверь, батя, хмуро посмотрел на меня, тихо пробасил:

– Юрий Юрьевич! Слышь, давай без фокусов. Из купе не выходить. Никому не открывать. Понял?

– Да, – ответил я. И он скрылся за лакированной светло-коричневой дверью.

Фокусы... Фокусами батя называл пробелы в дисциплине. Водился за мной грешок: мог свинтить куда-нибудь с друзьями, вляпаться в историю, а потом родители носились по Москве. Поседевшие. В мыле. Трижды после разного сорта историй оказывался в милиции. Даже на учет там какой-то поставили. Как будто липло ко мне.

Ленка, скинув адиковские кроссы, переделась и влезла на вторую полку, я же остался за столом внизу, с планшетом и бутылкой американской газировки. В половине второго ночи меня разморило – я нажал на паузу и влез на свою полку, скинув кеды, джинсы и футболку. И мгновенно заснул.

Мужики явились около трех. Сквозь сон я услышал звук открывающейся двери и их пьяненькое ворчание по поводу темноты. Но включать свет не стали – улеглись, и уже через пять минут тишину купе разрезал храп дяди Игоря. Папа спал бесшумно. И я снова провалился в сон.

4

Прибывали в восемь сорок. Заверещал мой будильник в простеньком телефоне Nokia. Ленка вскочила сразу, а тела внизу даже не пошевелинулись. Я быстренько смотался в туалет и приступил к побудке. В принципе, обошлось без проблем. Дядя Игорь сел на кровати после третьей моей попытки: глаза красные, щеки тоже. Мой же предок оставался лежать в постели, бормоча что-то вроде:

– Пиво... Холодное пиво... Ты можешь меня спасти... Найди, сынок... Принеси... Открой... Налей... Почему ты сидишь? Почему ничего не делаешь? Делай хоть что-нибудь... Не сиди сиднем.

Пограничное состояние между опьянением и трезвостью – похмельные утренние часы – очень сильно меняло этих двоих. Батя становился разговорчив до неприличия: нес всякую чушь, сыпал странными цитатами, читал стихи, хотя обычно из него не вытащить и слова, а Игорь, наоборот, молчал, отвечал односложно и хмуро, хотя он был тем еще болтуном.

– Дядя Юра, вставайте, – нахмурилась Ленка, – приедем через двадцать минут.

– Вот когда приедем, тогда и встану, – бурчал батя. – Готовьте паланкин – понесете меня до Ладожского вокзала. Я не в состоянии передвигаться. Под землю спускаться не буду. Никаких копий Мории. Тем более в этих болотах. Скажи «друг» и входи. Ни фигя подобного. Звоните велорикшам. Делайте хоть что-нибудь! Не сидите сиднем!

Игорь молча вышел в коридор, направившись, видимо, в санузел. Я, подняв с пола папины джинсы, положил их на кровать и предложил батю последовать примеру дяди Игоря.

– Веселая, по ходу, у нас будет рыбалка... – пробормотала Ленка, а папа, отвернувшись к стенке, пробасил:

– Но-но-но, молодежь. Не киснуть. Сейчас папа встанет и все разрулит. Веришь? Посплю десять минуток, а потом встану и все разрулю. Веришь? То-то.

Через полчаса кое-как выгрузились на перрон и, взяв такси, желто-зеленую «шкоду», поехали на Ладожский вокзал.

Таксист Николай Степанович, веселый и говорливый дядька, почти крича, убеждал нас не ехать ни в какую Сортавалу: далеко, мол, и непонятно зачем. Предлагал остаться в Питере.

– Восемь дней, мужики! – орал он, глядя на дядю Игоря в зеркало заднего вида. Батя же, уютно устроившись на переднем сиденье, отвечал со свойственной ему похмельной витиеватостью:

– И что вы предлагаете, любезнейший? Провести бесценное время в музеях? Или в Кунсткамере? Глазея на проспиртованных монстров? Я лучше буду любоваться на этого чудика... – он мотнул головой в сторону Игоря. – Та же фигня, только спирт не снаружи, а внутри... Нам обещали таких щук, о которых вы даже и не слыхивали, *mon cher*...

– Это я не слыхивал?! – продолжал горланить таксист. – Я не слыхивал? Да я таких щук вытаскивал, что вы даже и не представляете, что есть такие щуки...

– Где это? – продолжал язвить батя. – В Лебяжьей канавке? Или в Черной речке? Не смешите нас, уважаемый...

Говорящее фоном радио тем временем сообщало городские новости: штормовое предупреждение – ветер 24 метра в секунду, у Финляндского вокзала угнана инкассаторская машина «ОблГазБанка», общественные слушания по поводу строительства небоскреба на месте бывшей шведской крепости сорваны хулиганами. Затем Николай Басков запел о какой-то не очень-то гигиеничной форме взаимодействия со своей подружкой.

– Юрка, – спросила меня Ленка, – а когда Юрий Валентинович успокоится?

– Когда выпьет, – ответил я. – Поезд у нас в два. Судя по всему, они сейчас на вокзале или где-нибудь рядышком сядут в кафешке. Ну вот. Выпьет пива кружки три...

– Ха, – зашептала Ленка в ответ. – Тогда мой раздухарится...

Я искоса взглянул на дядю Игоря, который дремал между нами, и предложил:

– А давай удерем тогда.

– Куда? – Ленка посмотрела на меня с испугом. – Куда удерем?

– К Мишке. У меня здесь друг живет – Мишка Коршунов, вот его номер. – Я сунул ей в лицо свой телефон. – Он меня приглашал много раз уже. У меня и адрес его записан, сейчас найду...

– А как же рыбалка? – лицо Ленки раздумянилось, глазки заблестели: страх уступил место любопытству.

– Успеем. Они сядут в кафешке, а мы отпросимся в магазин. Поедем к Мишке, а к поезду вернемся. До него еще пять часов. Успеем. Должны успеть!

Ленка задумалась.

Прибыли на вокзал. Николай Степанович подвез нас к самому входу, и, расплатившись, мы выбрались из машины. Крики «Я буду руки твои целовать» исчезли вместе с уехавшим такси. Грязно-серые коробки торговых центров почти со всех сторон окружали станцию метро и небольшое здание вокзала. Я с удивлением смотрел на эти архитектурные изыски, вспоминая площадь трех вокзалов в Москве. Но оглядывался недолго: наша компания быстро отправилась в путь. Мужики очень спешили.

Сели в кафешке, справа от залов ожидания. Обстановка спартанская: пластмассовые столы, одноразовая посуда, самообслуживание. Отцы сгрудились вокруг витрины, за которой нервно улыбалась средних лет дама с каштановыми кудряшками и ярким макияжем. Мы же, усевшись за столик, продолжали обсуждать план побега.

– И чего? – продолжала допрос Ленка. – Где живет твой Мишка? Далеко отсюда? Как ехать?

– Я сейчас пойду в туалет и позвоню ему оттуда. Адрес его я стер, похоже... – я кивнул на свой старенький телефончик. – Не знаю, как так вышло... Но я помню, что-то с камышами связано... Улица то ли Камышовая, то ли Камышинская... Дом 20, квартира 49. Глянь в планшете. Интернет есть?

– Ага! Медленный только. Ну и память у тебя! – улыбнулась она.

Подошли отцы с разливным «Хайнекем» и чипсами и уселись рядом с нами. Батя бормотал:

– Ну что за фигня? Что такое? Игорь Владимирович? Ну разве так можно?

– Ты о чем? – дядя Игорь заговорил, причем в первый раз на моей памяти за этот день.

– Здесь не разливают «Францисканер»... Ну разве так можно?

– Да уж, – угрюмо отвечал дядя Игорь, – это не дело.

И отхлебнул пива. Мой тоже потянулся за кружкой. Я отправился искать туалет, а Ленка пошла к прилавку изучать ассортимент: похоже, она проголодалась. Выйдя из уборной, я набрал номер Мишки Коршунова, моего школьного друга, который год назад после нового назначения его мамы переехал в Петербург. Телефон Мишки оказался вне зоны доступа, и я, побродив по вокзалу минут десять, набрал его еще раз – с тем же результатом. Понурившись, поплелся обратно в кафе. У отцов появилось обновленное пиво, а Ленка уплетала сэндвич, запивая его чаем.

Кафе понемногу заполнялось. За столиком напротив расположилась девушка лет двадцати с чашкой капучино и книжкой Гессе. Ее большая красно-синяя спортивная сумка до неприличия сузила проход между столами. Справа от нас столик заняли два молодых парня в форме морских офицеров. Багажа мало. На столе водочка. Видимо, короткая командировка. Появился и официант: рыжий парень в темно-зеленой футболке с надписью «Молодежь за права человека».

Я сел на свое место. Времени было – девять тридцать. Игорь что-то выяснял у официанта, смеясь и чуть шурясь от пробивающегося в окно солнца. Вторая кружка пива привела его в надлежащий вид: болезненная краснота уходила с лица, а красноречие, наоборот, возвращалось. Папа же орал в телефон, по-видимому, на прораба Антона Олеговича Янина: его бригада отвечала за ремонт в нашей квартире. А потом пришлось все переделывать.

– Ну что, Антошка, – кричал отец, грызя чипсинку, – сыграешь мне на гармошке? В зале суда? Как же ты сделал электрику! Любо-дорого! Тот, кто переделывал этот бардак, сказал, что не видел такого лет пятьдесят! А ему всего-то чуть за сорок... Представляешь? Руки у тебя – золото! Из платиновой твоей попы их вырвать по одной...

На том конце, видимо, прервали батин поток: он притих на минутку, и я услышал, что Игорь Васильевич говорит официанту:

– Ты не думай, что я не за права человека... Очень даже за... Только у тебя это выбито снаружи – на футболке, а у меня внутри – на сердце... Я вообще, может быть, омбудсмен в душе. Омбудсмен по правам официантов. Твои права, кстати, никто не нарушает?

– Да вроде нет пока, – улыбался парень.

– Только вот в категорию «молодежь» меня, наверное, уже не запишешь...

– А сколько вам?

– А фиг его знает. Юра, сколько мне? – Игорь серьезно посмотрел на моего баты. Тот, оторвав ухо от телефона, ответил сухо:

– Столько же, сколько и мне.

– Я знаю, – серьезно объяснил Игорь, – потому и спрашиваю...

– Тридцать семь, – отрезал папа и продолжил кричать в трубку: – Слушай! Ты чего мне вообще звонишь? Я в отпуск уехал – ты меня и здесь достал... Видел я твою бригаду, про них мне можешь не рассказывать. Это не рабочие, а мастера словесного жанра. Им надо на эстраду – к Задорнову, выступать, успех будет... А ремонты им делать нельзя... Никаких ремонтов...

Официант, принеся морякам салатики, вернулся к нашему столику и заявил дяде Игорю:

– Ну, тридцать семь – это еще молодежь. Тем более, по-моему, вы выглядите явно моложе.

А Игорь Васильевич после двух кружек пива действительно похорошел, залоснился; сидел, обласканный солнышком и вниманием, улыбаясь своей металлокерамикой. Мой же предок раскраснелся, заморщился. Договорив с прорабом, решил переключиться на моряков.

– Ну что, Синдбады, – спросил он, повернувшись к ним, – разрешите угостить вас? Вы-то куда? В Мурманск? В Берингов пролив? В море Лаптевых?

Ленка, чуть наклонившись ко мне, прошептала (хотя могла не переживать, в этом гвалте ее вряд ли бы слышали):

– Юрка, пора сваливать!

– У Мишки телефон выключен... – угрюмо отвечал я.

– Я посмотрела эти адреса: Камышовая – черт-те где, на другом конце города. А Камышинская – здесь, рядом, тридцать минут на трамвае. И маленько пешком. Давай мотанемся?

– Конечно! Ну а нет его – быстро назад. Папа-а-а, – завыл я жалобно, – па-а-ап...

Он оторвался от моряков и посмотрел на меня с немим вопросом.

– Здесь, у вокзала, торговый центр. Видел серое такое здание? Похожее на замок Кошеч? Видел?

– Предположим.

– Там киношка, Гарри Поттер новый вышел, мы с Ленкой сходим, а? Орден Феникса! На пару часов, а? Поезд все равно в два только...

– Я-то не против... Но, помня твои выходки...

Тут моряки снова отвлекли его внимание, подняв рюмки за училище имени Фрунзе. Батя заорал:

– У меня дед – выпускник Фрунзе! Вы просто не имеете право пить за это без меня! Выпуск сорок шестого. Вы что, охренели...

– Па-а-ап... – продолжал я ныть.

Он молча протянул мне пятисотрублевую купюру и пересел к морякам. Я кивнул Ленке в сторону выхода, и мы побежали на улицу.

У остановки я спросил Ленку о маршруте. На день рождения в мае родители подарили ей крутейшую штуковину – интернет-планшетник Nokia 770, и благодаря ему Ленка всегда могла получить информацию из Интернета. Она сунула мне под нос это чудо техники – и я сам для проверки вбил интересующие нас точки маршрута на страничке поисковика. Ничего сложного: на 64-м трамвае до улицы Ковалевской – 28 минут, затем 750 метров пешком до Камышинской. А там уже и дом Мишки. Легкотня.

– Легкотня, – озвучил я Лене свои мысли.

– Ну да вроде, – согласилась она.

И через пять минут мы успешно погрузились в трамвай.

5

Покупая билеты, я попросил кондуктора предупредить нас заранее об остановке. Думал, начнет приставать: почему, мол, одни, без родителей катаемся тут. Заранее подготовил целый опус, историю для внимательных и любопытных взрослых, но кондуктор оказалась женщиной простой.

– Конечно, малышня, – ответила она и сунула мне сдачу. Несколько железяк.

Трамвай оказался полупустым. Мы сели на места в самом конце салона и глазели на незнакомые виды незнакомого города. А виды были странными. Я смотрел на названия улиц и, естественно, запоминал их. Пока мы ехали по проспекту Косыгина, все было вроде нормально: обычный городской пейзаж спального района. Но все изменилось на Рябовском шоссе. За минуту мегаполис остался позади, а мы оказались в сельской местности. А еще через десять минут кондуктор заорала из кабины водителя:

– Эй, малышня, на выход! Ваша остановка.

И мы выбрались на покореженный асфальт рядом с разбитой урной. Сквозь трещины из нее вываливался мусор, среди которого выделялась перепачканная кетчупом пустая бутылка водки. Я отметил про себя, что точно такую же, но почти полную, видел сегодня на столе у моряков.

– Может, поедem обратно? – Ленка тревожно посмотрела в ту сторону, куда нам предстояло двигаться пешком около километра. Я, если честно, тоже подумал что-то подобное, но эту мысль довольно быстро сменили любопытство и азарт.

– Не бойсь, – ответил я, – идти недолго. Пошли быстрым шагом.

– Ладно, – вздохнула Ленка, – давай, раз уж приехали.

Шел одиннадцатый час утра. Мы отправились в путь. Дважды останавливались, сверяясь с информацией из финского смарт-чуда. И вот наконец перед нашими взорами предстал дом № 20 по улице Камышинской – пятиэтажное серое здание с надписью «1971» на фасаде, под самой крышей: видимо, год постройки. Дом утопал в зелени. Трудно было поверить, что мы находимся всего в двенадцати километрах от Невского проспекта.

Мы зашли во вторую парадную (дверь оказалась открыта, кодовый замок не работал) и, поднявшись на пятый этаж, позвонили в нужную квартиру. Трезвонили долго. С перерывами. Никто так и не открыл. Мы понурились от неудачи, но тут заскрипела дверь соседней квартиры, из нее высунулась голова какой-то старушки.

– Что вам здесь нужно? – заорала голова и добавила несколько матерных слов.

Мы, испугавшись, прижались к двери напротив, а бабуля тем временем целиком вылезла на лестничную клетку и, хмурясь, начала двигаться к нам. У меня в голове мгновенно пронесся ворох сказок, которые я читал и смотрел, вспомнились Гензель и Гретель, попавшие в лапы злой колдуньи. Бабуля действительно выглядела странновато: давно не знавший стирки войлочный халат, черный как смоль парик, сдвинутый на левый бок, в руках поварешка.

– Кто вы такие? – продолжала она опрос уже без матюгов, но не менее сердито. У меня в минуты страха обычно просыпалось чувство юмора, и я ляпнул в ответ:

– Эта девочка – Элли, а я – ее песик Тотошка. Не ешьте нас, госпожа Гингема, я клянусь вам, что мы улетим обратно в Канзас...

Старушка остановилась, притихнув. Похоже, она не ничего поняла, но слова «девочка», «песик» и «Тотошка» немного успокоили ее. Тут встряла Ленка:

– Мы друзья Мишки Коршунова. Приехали к нему в гости. Он же здесь живет?

– Здесь живет Василич! – заорала старуха. – Точнее, жил. Потом переехал в крематорий, на Шафировский. А потом на Южное кладбище. А здесь остался Рори, его пес. Я его

выгуливала. А он удрал, зараза блохастая. Теперь здесь никто не живет. Тараканы, может. Но вряд ли. Василич их раньше подкармливал, а теперь им там что есть? Ко мне переселились...

– А где же Мишка живет? Коршунов? – не отставала Ленка.

– В семьдесят третьей есть двое вашего возраста. Один из них Мишка вроде. Их мамка тянет, папы нет. Года три назад сюда приехали. Комнату у Митьки-железнодорожника снимают. Он в одной водку жрет и фильмы свои крутит, а они в другой – втроем. Митька-то на пенсию вышел год назад, теперь у него и пенсия, и за комнату деньги – олигарх. А Светка на двух работах, на рынке днем, на Жерновском, и по ночам еще моет где-то...

Мы, переглянувшись, стали бочком отступать к лестнице и дали деру. Бабуля кричала вдогонку:

– Только в пятнадцатую не суйтесь! Там Валя Стремиллов, только вышел, он маленько не в себе. Третью неделю куролесит...

Мы выбежали из подъезда.

– Это не про него, – сказал я. – Не про Мишку.

– Уверен? Может, он тебе не все рассказывал про себя? Может, приврал, а? Может, про него?

– Да не. Не может быть.

– Пошли проверим. Струсил? – улыбнулась она.

Я заглянул внутрь себя, пытаюсь придумать шутку. Не получилось. Значит, не страшно.

– Нет.

– Ну так пойдем. Может, чаю нальют. Есть маленько хочется...

Здесь я ее понимал на все сто.

От второй парадной мы перебрались к четвертой и, поднявшись на третий этаж, позвонили в квартиру № 73. Почти сразу дверь распахнул рыжий мальчик в салатовых шортах и немного рваной черной майке, на вид наш ровесник, и, округлив глаза, уставился на нас. Мы, по правде говоря, действительно выглядели странно: адиковские костюмы, кроссовки. Рюкзачки оставили на вокзале. У Ленки через плечо была перекинута небольшая кожаная сумочка с какими-то ее прибабасами.

– Ты Мишка? – заговорила Лена, пристально глядя на парня.

– Нет, – ответил он, перескакивая взглядом с меня на Ленку и обратно. – Вам Мишка нужен? Сейчас позову...

И он исчез в полумраке квартиры. Через минуту пришел с другим мальчиком, тоже рыжим, но чуть помладше, в спортивках и черной футболке с группой «Король и Шут».

– Вот Мишка, – кивнул старший. – Что вам от него надо?

Возникла небольшая пауза. Внезапно ее заполнил оглушительный рев, прилетевший откуда-то справа; казалось, будто раненый лев оповещал окружающих, что он еще жив и обязательно до всех доберется.

– Не бойтесь, – сказал старший, – это Валентин из пятнадцатой проснулся. Я, кстати, Гриша. Так что вы хотели от моего брата?

За ответ взялась Ленка:

– Да мы, собственно, ничего... Похоже, все-таки ошиблись...

Но тут я, вспомнив, о чем мы с ней говорили на улице, ляпнул:

– Ребят, а можно чайку с бутербродиком? И мы вам все расскажем... Мы действительно, похоже, заблудились...

Ребята на минутку исчезли в глубине квартиры на совещание, но я понял, что они согласятся. Ленка вызвала у них живой интерес. И действительно, появившись в двери, голова Гриши кивком пригласила нас внутрь. Мы зашли в квартиру. Скинули кроссовки в коридоре и пошли за Гришей. Мишка свернул на кухню, видимо, ставить чай. Дверь во вторую комнату была закрыта.

– Там дядя Митя живет, – шепнул Ленке Гриша, – это он нам сдает. Скоро на кухню вылезет. Надо скорее...

В комнате ребят мы сели на кровать справа от входа. Кровать была двухъярусная. Обстановка оказалась спартанская: кроме кровати ребят – большой стол у окна, два стула, старенький компьютер, комод. Я не сразу понял, где спала их мама, но потом заметил собранную раскладушку слева от стола. Комната скромная, но очень чистая и аккуратная.

Я приступил к истории, но Гриша прервал меня:

– погоди, сейчас Мишка чай сделает – и расскажете, чтобы потом ему не повторять.

На секунду в комнате повисла тишина, которую вновь прервало громкое завывание, на этот раз – как рев поймавшего добычу льва.

– О, – проговорил Гриша спокойно, – похмелился. Водка, видимо. От пива у него другой звук. Теперь все ништяк будет.

Миша притащил с кухни еду; сунув нам две больших кружки чая и по бутерброду с сыром, закрыл дверь в комнату.

Я начал рассказ. Ребята слушали меня вполуха, глаза на Ленку. Дело шло к одиннадцати.

6

А в это время наши отцы потихонечку входили в новый виток алкогольной спирали. Все занятые в кафе столики были сдвинуты. К сабантую, кроме двух морских волков, присоединилась девушка, читавшая Гессе за чашкой кофе, и пожилой мужчина в панаме защитного цвета и смешной светло-серой жилетке. Он зашел перекусить уже после нашего триумфального бегства.

– Ну что, степная волчица, – приставал Игорь Васильевич к девушке, – ты-то куда бежишь? Или за кем? Кто он? Волчонок? Зайка? Или от него?

Девушка молча улыбалась, щурясь от ласкового июльского солнышка. Она единственная из всей честной компании встречала день без алкоголя: заказала черный чай с пирожным.

И мой папа, и дядя Игорь каким-то образом, даже находясь в таком странном состоянии, умудрялись создавать вокруг интересное поле, притягивающее к ним совершенно разных людей.

Девушку звали Лида, и ехала она в Петрозаводск, к родителям, на неделю. Моряки и дядя Игорь сразу окружили ее кольцом полупьяных ухаживаний. А папа увлеченно беседовал с дедушкой, который тихой сапой присоседился к моряцкой водочке. Налил себе рюмочку и, не чокаясь, опрокинул внутрь, смешно крикнув. Закусил салатиком и проговорил, чуть искоса глядя на батю:

– Ну вот, теперь повеселей будет электричку-то ждать... Мою-то, на десять тридцать, отменили, теперь только в двенадцать... Народу будет – ух...

– Да ладно тебе, Сергеич, среда же вроде? – батя сверился с календарем в телефоне. – Какой народ в среду, в двенадцать? Работать должны вроде... Нет? Или здесь не работают?

– Где – здесь? – дедушка скосил глаза в сторону моряков.

– Ну, здесь... В этом городе...

– В каком это? – Сергеич потянулся к бутылке, воспользовавшись тем, что один из моряков – Саша – отвернулся к прилавку.

– Ну, в этом. Где мы сейчас. Игорь Васильевич? – папа повернулся к другу.

Саша, увидев колдовские пассы дедушки, сам налил ему рюмочку и, улыбнувшись, проговорил тихо:

– Поухаживаю за тобой, отец... Взять еще оливье? Или бутербродик?

– Не, сынок, – с радостью отозвался тот, – всего достаточно.

А Игорь, отвлекшись на секунду от Лиды, сказал, иронично осмотревшись:

– Судя по окружению – Петроград. А чего, глянь: матросы, революционерки, демагоги... Все есть. Мы в Петрограде, друг мой.

– Не... – отвечал дедушка, хряпнув еще одну рюмочку. – В Петрограде вокруг нас была бы деревня. Яблоновка. А никакой деревни нет. Это не Петроград, мужики. И не Ленинград. Тут раньше была исправительная колония. Номер семь. Яблоновская зона. Детская. А сейчас ни деревни, ни зоны, ни Петрограда – ни хрена. И никакой дисциплины. Сидим жрем водку в одиннадцать утра.

– Ты, дедушка. Это ты жрешь водку, – папа указал на опустевшую рюмку деда. – А мы с Игорем Васильевичем наблюдаем за твоим моральным разложением сквозь янтарный блеск легкого солодового лимонада с почему-то финским названием. Разложением твоим и твоих дружков, – он кивнул на моряков, – по которым плачет военный патруль...

– Но-но-но, – возмутился Саша. – Никаких патрулей. Денег не хватит их поить...

– И к тому же, – вставил Игорь, – сейчас уже половина двенадцатого. Считай, почти обед... Святое дело.

– А во сколько там у детей кино заканчивается, они не сказали? – папа посмотрел на Игоря.

– Нет, – отвечал тот. – В десять вроде начало. А он обычно часа два с половиной – три идет. К часу явятся. Наверное...

– Надеюсь, – ответил папа. И тут внезапно к разговору присоединилась Лида:

– А с чего вы взяли, что ребята в кино?

Кафе окутала тишина. Стало слышно, как продавщица отчитывала кого-то по телефону за невынесенное мусорное ведро. Все взгляды уперлись в Лиду, и только дедушка, скосив глаза на моряков, потянулся за бутылкой.

– Поясни... – попросил батя.

– Я выходила курить на улицу. Сидела на скамейке и видела их. Они в торговый центр не поворачивали, а пошли к остановке трамвая, справа от здания.

– И дальше?

– Подождали трамвайку. Минуты три. Сели в него и укатили.

– Что ж ты раньше-то молчала, звезда моя? – заорал Игорь в недоумении.

– Друг мой, а я и знать не знала, что они отпросились в кино. Думаешь, я подслушивала все, о чем вы говорили? Агент Лида? Своими делами занималась, сидела и читала. Какое мне дело, куда вы их отпустили.

– Так, Игорь Васильевич, – проговорил папа, допивая остатки пива, – давай подведем итоги. Вчера вечером с Ленинградского вокзала в путешествие отправились четверо. Два эльфа и два полурослика. Так?

– Предположим, – ответил Игорь, глядя на Лиду. Та пальцем гоняла выжатый чайный пакетик «Липтона» по пластмассовой тарелке, оставляя на ней темные следы.

– И что мы имеем сейчас? – продолжал папа. – Полурослики сбежали, а эльфы на глазах превращаются в орков... Расклад – не очень...

– Все так. Но мы живем в век прогресса. Слава богу, есть мобильная связь.

Игорь достал телефон и набрал контакт с надписью «Доченька».

7

– Да, – сказал Гриша, дослушав меня. – Ситуация...

– Ну это ничего, – рассмеялась Ленка. – Сейчас чай допьем и поедem на вокзал. Бывает...

– Да рано вам. – Гриша взглянул на Мишку, ища поддержки. – Два часа еще... У вас поезд в два с копейками. Сейчас около одиннадцати. В час можете выехать и успеете с лихвой.

– А чего делать будем? – Ленку немного заинтересовало внимание мальчиков; я же чуть напрягся, чувствуя конкуренцию с их стороны.

– Мы собирались съездить в Ново-Ковалево на великах, – пояснил Миша. – Там в ангарах Васька Смоляков помогает батe восстанавливать какой-то старый «мерс». У его бати там целый автосервис. Крутяк. Обещал показать нам. Поехали с нами? Пятнадцать минут на велах. Туда и обратно. Поехали?

– А великов сколько? – спросил я, нахмурившись.

– Два, – ответил Гриша. – С багажниками. Нормально.

– Поехали, Юра, – разошлась Ленка. – Только, ребят, можно еще чаю?

– Конечно. – Гриша внимательно посмотрел на нее. – Пошли на кухню. Дядя Митя вроде плотно у себя засел.

Гриша ошибался. Дядя Митя, а на самом деле – Дмитрий Борисович Зозуля, как будто только и ждал нашей передислокации. Мы сели за накрытый грязноватой клеенкой деревянный стол, и он тут же появился в дверях, полностью заполнив проем большой бесшумной тенью. Высокий грузный дядька, абсолютно лысый. Я посмотрел на него испуганно, а он, оглядев всю нашу честную компанию, молча прошел к холодильнику и влез в него, изучая текущий расклад. Мы замерли. Через полминутки дядя Митя высунулся наружу с бутылкой кефира и парочкой глазированных сырков и, складирuя находки на стол, спросил удивительно высоким для такого большого человека голосом:

– Что здесь у вас за столпотворение, рыженькие?

Парни так и остались сидеть, замерев от испуга, я же в свойственной мне в минуты страха и волнения манере начал рассказывать ему нечто сравнимое с «Илиадой» Гомера:

– Дядя Мить, мы родственники ребят. Из Москвы. Приехали проведать. Извините. Вчера с Ленинградского уехали. На «Красной стреле». Потом с Московского вокзала на Ладожский. Потом сюда. Красиво здесь. И вы красивый. Гладенький. Мы сейчас уйдем. Поедем в Ново-Ковалево на велах. Ладно? Отпустите? – Я замолчал на секунду, а потом продолжил, видя, что реакции пока нет: – Не трогайте нас, дядя Мить. И в терновый куст не кидайте. Отпустите в Ново-Ковалево на великах, а?

Дмитрий Борисович молча глядел на меня около минуты, а потом спросил:

– Что за хрень ты несешь, мелкий? А ну-ка покажи руки!

Он схватил меня за запястья и развернул их, разглядывая вены. Я еще больше испугался, решил, будто дядя Митя хочет меня связать и затащить в свою комнату, и только некоторое время спустя понял, что он тогда очень плохо подумал обо мне...

Проверив, он отпустил мои руки и сказал спокойно:

– Да делайте вы что хотите, только быстрее с кухни выметайтесь, а... Хочу позавтракать. Киношку вот нашел, посмотрю...

– Что за киношка, дядя Мить? – спросил Миша, допивая остатки чая.

– Вестерн, – ответил тот, как-то очень смешно делая акцент на букве «е». – Старый, начала семидесятых. Помню, в девяностые еще смотрел его в видеосалоне. «Возвращение в Мальпасо» называется. Вчера вот диск нашел на развале, у Пети... Стрелок там возвраща-

ется, типа, в город своего детства, уже опытный, прожженный, а там и бандиты, и шериф-трус, и какие-то мексиканцы. В общем, все как положено. Ну, и ему приходится со всем этим разбираться...

– И чего? – заинтересовался я. – Всех победил?

– Естественно, – уже чуть более нервно ответил дядя Митя. – Всех победил. Очистил, так сказать, городок... Привел в порядок... А ну-ка сворачивайтесь, мальцы!

Он достал стакан для кефира и налил себе половинку.

Мы начали исход на улицу через полумрак коридора. Уже на улице я услышал трескотню Ленкиного телефона.

– Папа... – шепнула она мне.

– Не бери, – отвечал я. – Мы же в кино. Некультурно.

– Да уж, – с серьезным видом откликнулась она. – Мы в кино, тем более – в культурной столице. Мне в школе говорили: Петербург – культурная столица России. Давай вести себя культурно.

– Культурная так культурная, – ответил я и отключил свой телефон, усаживаясь на багажник велосипеда Миши. Ленка же забралась на Гришин.

И мы отправились в путь.

8

– Не берет, – раздраженно пробормотал Игорь. – Не берет трубку, слышь!

– Может, все-таки в кино? – ответил папа. – Звук отключила...

– Набери своего...

Папа набрал мой номер. Ему ответили, что абонент недоступен, и он, улыбаясь, проговорил, глядя почему-то на бабушку:

– В кино. Точно. Волчица, видимо, спутала...

– Ну-ну, – отозвалась с другого конца сдвинутых столов Лида. – Если только в трамвае у них кино. Документальный фильм. О достопримечательностях Ржевки. Интересный! Я много раз смотрела. Самые интересные сюжеты разворачиваются по пятницам. После десяти вечера. Но я бы уточнила возрастной ценз... Там иногда таких Волан-де-Мортов можно встретить... Там, где Ириновский проспект в Рябовское шоссе переходит... А чего, новая серия: «Гарри Портер и „Охота“ крепкое»...

– Звезда моя, чего-то ты расшумелась! – разозлился Игорь. – Молча сидела – лучше было.

Лида встала из-за стола и направилась к выходу.

– Ты куда? – закричал Игорь испуганно.

– Не бойсь, – огрызнулась она. – Пойду гляну, какие трамваи там ходят... Курну заодно.

– Да ладно тебе, не парься, – гнул свою линию папа. – Они в кино, говорю тебе.

Но он не был в этом уверен на все сто, а Игорь Васильевич, похоже, доверял показаниям Лиды, что, в общем-то, было логично: она выглядела самым адекватным представителем этого маленького социума. Дедушка, похоже, не очень отслеживал происходящее. Единственное, что его привлекало, – бутылка моряков, из которой он периодически пополнял свой стаканчик, бормоча что-то вроде «для запаха».

– За деток, – сказал дед, – чтобы у них все было! Папы у них хорошие!

Выпив, крикнул и занюхал корочкой. Мой же батя устался на него, не поняв иронии, но потом, расслабившись, ответил:

– Дедуля, ты на электричку-то не опоздаешь?

Тот глянул на часы, прищурившись:

– Двадцать минут еще. Успею. Через десять пойду. Надо у места правильного встать. Где двери. Чтобы на правильное место потом сесть. Где не дует.

– Продуманный ты дедок, – заметил второй моряк, улыбаясь.

Тот отмахнулся:

– Посмотрел бы на тебя лет через сорок. Ты чего, думаешь, всю жизнь будешь с кортиком ходить? В штанах?

– Почему в штанах? – не понял моряк, а дедушка, налив еще маленько, не стал объяснять, что он имел в виду. Второй моряк – Артем – долил себе остатки водки, убрал со стола пустую бутылку и сказал, протирая руками чуть воспаленные глаза:

– Нет уж. Объяснись, дед.

Саша, увидев, что с водкой беда, полез в портфель, и через секунду на столе появилась еще одна бутылка.

– А знаете что? – сказал Сергеич. – Мне на дачу-то сегодня не надо. Перепутал дни. Завтра поеду. – И он что-то прошептал на ухо Артему, а тот рассмеялся, чуть покраснев.

Вернулась Лида. Все стихли, уставившись на нее. Она села на свое место, молча взяла стаканчик с чаем. Там еще что-то болталось на донышке.

Тишину вскоре прервал Игорь Васильевич:

– Ну?!

– Что – ну? – иронично спросила Лида. – Мне можно говорить, сэр? Или помолчать? Как вам будет лучше?

– Хватит тебе, – огрызнулся он. – Чего там? Долго ты курила...

– Я сначала в киношку зашла. Новый «Поттер» идет пока только в одном зале. Первый сеанс – в девять утра. Следующий – в двенадцать. Дети ушли около десяти. В зал с девяти никого не пускали.

– Значит, на другой фильм пошли, – папа отставил в сторонку пустой стакан из-под пива. – Что там в районе десяти начиналось?

– «Ультиматум Борна» в половину одиннадцатого. Все остальное позже.

– Ясно. Сбежали. – Папа посмотрел на Игоря. – Они не пойдут на «Ультиматум Борна». Что там с трамваями, Лида?

– Три трамвая здесь ходят.

– То есть могли сесть на любой из трех, так?

– Игорь Васильевич, это риторический вопрос? – огрызнулся папа. – Или ты ждешь ответа?

– Мальчики, не ссорьтесь, – решила взять на себя роль миротворца Лида. – Надо, наверное, в милицию...

– Сдаваться? – переспросил папа.

А Игорь, ухмыльнувшись, ответил ей:

– Оглянись вокруг, красотка... Увидев эту честную компанию, они нас первых и загребут. Этих, – он кивнул в сторону моряков, – за дезертирство. А нас с Валентиновичем – за халатность. Тут надо что-то другое.

Игорь Васильевич, задумавшись, начал копаться в телефоне. Он отличался большим кругом полезных знакомств, и для любого случая у него находился какой-нибудь заветный номерок какого-нибудь важного человека. Папа обычно смеялся над этим, но сейчас без всякого смеха, скорее с надеждой смотрел на друга.

– О, – воскликнул тот, – нашел. Олег Олегович...

– Кто это? – спросила Лида.

– Милицейский начальник. Может, даст кого...

– В Москве?

– Ну конечно, детонька. Конечно, в Москве. Все начальство в Москве.

Игорь с телефоном вышел из-за стола и направился к залам ожидания. Вернулся минут через пять. Сел и сказал, выдохнув:

– Олег Олегович дал телефон какого-то Калинкина. Андрея Григорьевича. Говорит, специалист с широким кругом возможностей. Должен Олегу за какую-то хорошую тему. Я ему позвонил. Он недалеко. Сказал – сейчас завершит встречу и приедет к нам. Полчаса максимум. Сказал пока никуда не рыпаться.

– Ну и хорошо, – отметил дедушка, – а мы и не собирались. Да, ребятки?

Саша кивнул. Артем встал и направился к выходу, видимо, в туалет. Впервые за последний час над компанией повисло тягостное молчание.

9

Мы ехали достаточно быстро. Чем дальше уводила нас разбитая асфальтовая дорога, тем больше мне казалось, что мы находимся на краю цивилизации. В вестерне, который начал смотреть дядя Митя. На Диком Западе. Но никак не в пятнадцати километрах от Невского проспекта. Слева от дороги, в зарослях кустарника, проглядывал красный кирпич полуразрушенных, заброшенных строений, справа – бесконечный железобетонный забор, обтянутый сверху колючей проволокой.

– Что это справа? – крикнул я Мише.

– Не ори, – ответил он. – Завод какой-то. Туда не лазили. Пока.

– Колючка...

– Есть дырочки. Там собаки по территории бегают.

– Это не очень, – отвечал я с видом профессионала.

– А то.

Гриша ехал значительно быстрее, и через пять минут они с Ленкой скрылись от наших взоров. Дорога петляла. Через некоторое время мы свернули с дороги, по которой мчали, направо, и Мишка сказал, чуть наклонив голову:

– Все почти. Теперь напрямки минут пять – и мы на месте.

Мы проехали мимо двух странных двухэтажных жилых домов, потом слева возникли огороженные участки, внутри которых просматривались ангары, склады, стоянки большегрузов, автосервисы, разборы автомобилей, а справа потянулось садоводство, довольно большое, но пустое.

– Миша, – спросил я, немного волнуясь, – а где люди-то?

– Я не знаю. Тут всегда так. Вроде домиков много, а людей никогда нет. Может, внутри сидят?

– И чего делают?

– Откуда ж я знаю? Может, ждут, когда за ними прилетят инопланетяне...

– Инопланетяне?..

– Ага. Не знаю, зачем еще здесь сидеть. О, смотри, наших догнали...

Действительно, в пятидесяти метрах от нас стоял прислоненный к бетонному забору велосипед. Однако ребят рядом не оказалось. Мы, подъехав поближе, осмотрелись. Чуть правее велосипеда находились приоткрытые синие железные ворота. Миша поставил свой велосипед рядышком с велосипедом брата, и мы, подойдя к воротам, опасливо заглянули внутрь.

– Мишка, а там что вообще? – спросил я, пытаюсь скрыть страх.

– А фиг его знает, мы туда никогда не лазили, – спокойно отвечал он. – Сейчас посмотрим...

– А Васька-то где? Дальше?

– Ага. Чуть дальше, за поворотом, там гаражи у них с батеи. А здесь, по-моему, говорили, какая-то разборка у ребят.

– Разборка в Бронксе? – попытался пошутить я, вспомнив старый фильм с Джеки Чаном.

– Круче, – улыбнулся Мишка. – Автомобильная разборка. Машины аварийные разбирают. И угнанные. Наверное.

– Думаешь?

– Гриша рассказывал...

– А...

Мы заглянули внутрь: вдалеке рядышком стояли три металлических ангара. А перед ними действительно высилось целое нагромождение разбитых и разобранных машин. Более-менее свободными оставались проезды к гаражам – дорожки, покрытые мелким строительным гравием. Мне вспомнилась книжка, которую я читал прошлым летом: «Остров погибших кораблей». Только здесь машины.

Мы, приглядываясь к входам в ангара, потихоньку двинулись внутрь участка. Собак вроде не было. Как и людей. Приблизившись к ангарам, мы начали прикидывать, как проникнуть внутрь. Строения были обычными металлическими прямоугольными коробками: подъемный механизм освобождал пространство для проезда машин, а дверь для прохода находилась чуть левее въезда. Мы тихонечко дернули дверь в первый ангар – она оказалась закрыта; подойдя ко второму, услышали голоса, похоже, из третьего строения. Я шел впереди.

– Глянь, чего там, – прошептал Мишка. Я тихонечко потянул на себя дверь в ангар и всунул голову внутрь. Помещение делилось на две части. В одной, побольше, располагалась, по-видимому, техническая зона: подъемные механизмы, детали, колеса, а в правой части, меньшей, находились две небольшие комнаты с закрытыми дверями. Из одной из комнат и слышались мужские голоса. Что говорили – непонятно, один из мужчин что-то агрессивно объяснял другому, иногда переходя на крик. Посередине технической зоны стояла желто-черная инкассаторская машина с надписью «ОблГазБанк» на боку.

Я тихонечко забрался внутрь. Мишка полез за мной.

10

Калинкин появился к половине первого. Прошел быстрым шагом к столику, за которым сидела компания, взял себе стул, сел и, улыбнувшись, проговорил, глядя почему-то на Лиду:

– Ну и что здесь у вас приключилось?

Выглядел он молодо, был сухощав и невысок. Но улыбка выдавала возраст, в уголках голубых глаз появлялись морщинки; становилось понятно – мужчине глубоко за тридцать. Одет был в легкий светлый костюм, в руках – коричневый кожаный портфель и два телефона, которые он выложил на стол рядом с пивными стаканами (батя и дядя Игорь, не выдержав сухого ожидания, взяли еще по кружке «Хайнекена»). Игорь вкратце рассказал, в чем дело, а Лида дополнила его слова своими комментариями.

Калинкин, слушая это, дважды умудрился поговорить по телефонам, которые трещали у него без умолку, кивая при этом рассказчикам, и, дослушав, проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.